

Вопреки словам Сян Мо, Хуай Янь вовсе не отличался феноменальной памятью. События давних лет должны были бы поблекнуть, покрыться пылью времени, но последние три года Хуай Янь мысленно возвращался к ним вновь и вновь, словно бережно стирал пылинки с давних воспоминаний. В итоге каждый миг, где присутствовал Чжу Чэньюань, не только не угас, но воссиял ещё ярче, сочнее, отчётливее.

Тогда, в их первую встречу, Хуай Янь бросил: «Поговорим в следующем месяце». Однако на деле они увидятся лишь спустя два месяца — в середине июля.

За эти два месяца Хуай Янь узнал о Чжу Чэньюане немало: возраст, круг общения, привычки и даже домашний адрес. Впрочем, жили они на разных концах Подземного города.

Дьявольски далеко.

Чжу Чэньюань с детства отличался отменным здоровьем и выносливостью, благодаря чему попал на подготовку в тренировочный лагерь под началом своего отца. Ещё несколько лет назад он числился бойцом секретного спецотряда, однако во время очередного задания получил тяжёлое ранение. Год назад его перевели обратно в Подземный город — в службу мониторинга Подземной реки.

Хуай Янь и сам не понимал, отчего его так подстёгивает любопытство к человеку, которого он видел мельком всего раз. Дело доходило до того, что в снах ему настойчиво мерещился покинутый силуэт с букетом роз, замерший у обочины и угасающий в зеркале заднего вида.

В его сновидениях Чжу Чэньюань утрачивал былую статность и превращался в хрупкое зеркало: стоило Хуай Яню лишь коснуться его поверхности кончиком пальца, как по стеклу мгновенно разбегалась паутина трещин.

Хуай Янь не хотел видеть, как то зеркало разбивается вдребезги.

Первые дни эта неожиданная реакция собственного разума откровенно злила его. Нарушенный покой выбивал из колеи.

Это было совсем на него не похоже.

Однако интерес к Чжу Чэньюаню лишь разгорался. Хуай Янь даже попытался осторожно расспросить отца. Хуай Чжэнцин, как выяснилось, души не чаял в парне и не скупился на похвалы, добавив, что, когда сын возглавит службу мониторинга Подземной реки, Чжу Чэньюань станет его надеждой и опорой.

Настал последний день того самого «следующего месяца». Помимо работы и светских обязанностей, Хуай Янь отклонил несколько приглашений на вечеринки от назойливых поклонников.

Ближе к вечеру он вызвал секретаря и вскользь поинтересовался, не запрашивал ли кто-нибудь аудиенции.

Секретарь, решив, что допустил непростительный огрех в расписании, в ужасе принялся мысленно прокручивать все встречи последнего месяца. Но график Хуай Яня был распланирован безупречно, да и загруженность в эти дни выдалась умеренной. Наконец подчиненный заверил: никто встречи не запрашивал.

Услышав это, Хуай Янь лишь холодно ухмыльнулся. «Значит, Чжу Чэньюань ничем не отличается от прочих. Поверхностная пустышка». В душе мгновенно вспыхнуло глухое раздражение — на самого себя, целый месяц тешившегося пустой надеждой.

В тот же день Хуай Янь отправился в Службу мониторинга подземной реки под предлогом внепланового совещания. В конференц-зале собрались абсолютно все, кроме Чжу Чэньюаня и его людей.

— Где Чжу Чэньюань? — ледяным тоном спросил Хуай Янь, обводя присутствующих тяжёлым взглядом.

— Молодой господин, — торопливо откликнулся сидящий ближе всех сотрудник. — Недели три назад мы зафиксировали регулярные колебания в пяти километрах к западу от русла Подземной реки. Брат Юань возглавил группу и отправился на разведку.

— Вот как? Ушли в экспедицию? — Напряжение в голосе Хуай Яня мгновенно спало, интонации зазвучали гораздо мягче. — И когда они закончат?

— Трудно сказать, — ответил сотрудник. — Аномалии повторяются слишком часто. К тому же в следующем месяце Карнавал в День дождя. Брат Юань решил проверить всё лично: в такое время на Подземной реке не должно быть ни малейших сбоев.

Подземная река служила городским рвом и главным источником пресной воды для всего Подземного города. Её артерии густой сетью раскинулись под землёй, питая и защищая цитадель на протяжении столетий. Однако подпочвенная структура отличалась нестабильностью: случались резкие подвижки пород, а в прошлые эпохи река не раз выходила из берегов, вызывая разрушительные наводнения. Именно поэтому много лет назад и основали Службу мониторинга подземной реки, задача которой состояла в том, чтобы отслеживать сейсмические колебания, вовремя предотвращать катастрофы и обеспечивать безопасность жителей.

Фестиваль-карнавал дождя в Подземном городе традиционно приходился на восемнадцатое июля. В этот день запускали систему искусственных осадков, и по размаху гуляний праздник ничуть не уступал Новому году. За исключением сотрудников Управления безопасности и экстренных служб, гулял весь город: комендантский час отменялся, устраивались скачки под дождём, речные регаты, гонки на драконьих лодках и массовые обливания.

Накануне столь важной даты любые риски были исключены.

Кто-то из коллег, видимо, обмолвился Чжу Чэньюаню, что Хуай Янь искал его на совещании. Вскоре на телефон Хуай Яня пришло короткое сообщение: Чжу Чэньюань обещал вернуться аккуратно к началу Фестиваля.

Хуай Янь ничего не ответил. Лаконичный текст так и остался висеть в папке входящих, однако следующее утро Хуай Янь встретил в редком для себя приподнятом настроении.

Праздник приближался, приготовления к масштабному искусственному ливню завершались. На улицах под искусственным солнцем уже появлялись ребятишки в дождевиках, вытягивающие ладошки в предвкушении первых капель, а торговцы наперебой зазывали покупателей на праздничные распродажи. Город жил ожиданием обновления.

Хуай Чжэнцин, как главный руководитель Службы мониторинга подземной реки, каждый год лично инспектировал станцию перед праздником, но на этот раз отправил вместо себя сына.

Хуай Янь в сопровождении троих специалистов прибыл на Подземную реку. Вдоль её основного русла расположились пять наблюдательных пунктов, где дежурные посменно несли круглосуточную вахту.

С Чжу Чэньюанем они пересеклись на Третьей станции мониторинга. Тот стоял спиной к причалу, облачённый в тёмно-синий рабочий комбинезон, и, опустившись на одно колено, что-то оживленно обсуждал с подчинёнными. Из-за шума бурлящей воды слов было не разобрать.

— Молодой господин Хуай, вы прибыли! — окликнул его один из сотрудников.

Чжу Чэньюань вздрогнул, услышав знакомое обращение. Сначала он решил, что ему послышалось, но, резко поднявшись и обернувшись, обомлел. На возвышении у самой воды стоял Хуай Янь — в безупречном чёрном костюме, освещённый мягким приглушённым светом.

Дыхание Чжу Чэньюаня перехватило. Тот, о ком он непрестанно думал последние недели, стоял прямо перед ним.

— Плодотворной работы, — неспешно подошёл Хуай Янь, протягивая руку.

Чжу Чэньюань поднес ладонь и спохватился: пальцы были вымазаны в мокром песке и иле. Наскоро опустившись к урезу воды, он тщательно отмыл руки, проверил, не осталось ли грязи под ногтями, и лишь затем стряхнул капли.

Их второе рукопожатие вновь вышло влажным. И снова ладонь Чжу Чэньюаня показалась Хуай Яню обжигающе горячей.

«Ледяная вода реки так и не смогла его остудить», — хмыкнул про себя Хуай Янь, с трудом сдержав улыбку.

— Скоро Фестиваль, я приехал проверить обстановку, — вполне официально произнес Хуай Янь, переведя взгляд на остальных и обменявшись с ними сдержанными рукопожатиями. — Ошибки недопустимы.

— Доложим по всей форме: сбоев не будет, — заверил Чжу Чэньюань. Говоря о работе, он выглядел собранным и суровым, но в его глазах пылал огонь, разраставшийся с неукротимой силой буйных летних побегов.

Рабочий день подходил к концу. Команда увлекла Хуай Яня к жилому корпусу. Деловой разговор исчерпал себя, и Чжу Чэньюань попытался нащупать иную тему:

— Вы ненадолго к нам?

— Напротив, — негромко отозвался Хуай Янь. — Я останусь на станции вплоть до самого праздника.

При слове «ненадолго» сердце Чжу Чэньюаня ухнуло куда-то в бездну, но вторая фраза мгновенно вернула его на место, заставив заколотиться с удвоенной силой.

Значит, Хуай Янь проведёт с ними эти дни?

Двухэтажный корпус станции был устроен просто: весь первый этаж занимали приборы и исследовательские установки, а на втором располагались четыре жилые комнаты. Обычно команда из шести человек дежурила посменно; у командира и его заместителя имелись крошечные отдельные каморки, остальные дежурные ютились по двое. С прибытием Хуай Яня и троих сопровождающих расселение пришлось срочно переиграть.

Чжу Чэньюань безоговорочно уступил свою комнату Хуай Яню, перебравшись к коллегам на раскладушку.

Его каморка площадью едва ли превышала десять квадратных метров: узкая односпальная кровать у самого окна, массивный рабочий стол да узкий шкаф. Два шага от порога — и ты уже у изножья.

— Условия спартанские, уж извините, — виновато проговорил Чжу Чэньюань.

— Ничего страшного.

Размер комнаты Хуай Яня не волновал — лишь бы была чистая постель. К тому же Чжу

Чэньюань вычистил каморку до блеска.

За ужином, который дежурные готовили сами, царила сдержанная атмосфера: присутствие сына начальника сковывало мужчин, шутки и привычные перепалки сошли на нет. Понимая, что смущает людей, Хуай Янь сразу после еды ушёл к себе.

Ванная комната была общей. Едва Хуай Янь затворил дверь, суровые мужики скинули липкие от пота майки, набросили на плечи полотенца и с шумом устремились со своими тапками мыться. Чжу Чэньюань, сидевший на диване в гостиной, отвесил пару уместных пинков самым нерадивым, велел одеться и не позориться перед гостем. Шумящие работяги со смехом подчинились, и топот в коридоре утих.

Звукоизоляция в доме оставляла желать лучшего, поэтому Хуай Янь слышал каждый шорох. Он решил дожидаться, пока все закончат, и лишь затем отправиться в душ. Ожидание затянулось больше чем на час.

В комнате стало душно, и он решил выйти проветриться.

Вытирая на ходу мокрые волосы, Чжу Чэньюань выскочил из ванной и тут же заметил Хуай Яня на галерее второго этажа.

— Собираетесь прогуляться? — окликнул он, вытягивая шею.

— Да, пройдусь немного.

— Я с вами. Здесь по ночам хоть глаз выколи, это вам не Подземный город с его иллюминацией.

Чжу Чэньюань швырнул полотенце на спинку стула, подхватил фонарь, накинул лёгкую куртку и поспешил за Хуай Янем.

Хуай Янь оставался в строгом костюме. Спускаясь по лестнице следом, Чжу Чэньюань невольно зафиксировал взгляд на его затылке — там, на белоснежной коже, темнела крошечная родинка. Она казалась аккуратной чёрной жемчужиной, случайно упавшей на свежий снег, и её непреодолимо хотелось тронуть пальцем.

Сглотнув подступившую сухость, Чжу Чэньюань ускорил шаг, чтобы сравняться с Хуай Янем. На нём была лишь армейская камуфляжная футболка, куртку он сжал в кулаке, а на обнажённых руках блестели капли воды.

Хуай Янь уловил тонкий аромат его геля для душа — свежая смесь лимона, морской соли и мяты. Запах доносился лишь тогда, когда из вентиляционных отдушин пролетал лёгкий сквозняк.

Возле станции горела лишь пара тусклых фонарей. Они шли бок о бок вдоль бурлящей реки, перебрасываясь неспешными фразами.

— Долго длится дежурство?

— По-разному. Иногда пару дней, иногда месяц-другой.

— Не скучно?

— Привык. Если в душе есть за что зацепиться, скучать не приходится.

О том, что именно бережёт его душа, Хуай Янь спрашивать не стал.

Фонари остались позади, тьма сгущалась.

— А где твой фонарик? — спросил Хуай Янь, заметив, что Чжу Чэньюань так его и не включил.

— Да я проверил только что, — Чжу Чэньюань встряхнул прибор. — Похоже, батарея села.

Телефонов ни у того, ни у другого при себе не было.

Чжу Чэньюань оглянулся: здание станции мерцало в беспросветной тьме, точно одинокий светлячок. Ему до смерти не хотелось говорить: «Стало совсем темно, пойдём назад». Он жаждал продлить эти минуты, ведь Хуай Янь находился так близко.

Ночной ветер доносил оглушительный рокот Подземной реки. Хуай Янь тоже не заводил речи о возвращении, но тропа стала совсем невидимой. Несмотря на предупреждения Чжу Чэньюаня, Хуай Янь оступился.

Местность была ему незнакома. Набрав скорость на тёмном галечном пляже, он оступился на неровном валуне и сорвался вниз. Чжу Чэньюань рванулся на помощь, но опоздал на какую-то долю секунды: Хуай Янь уже полетел в прибрежную грязь. Костюм вымок, рубашка измазалась, в туфли набился песок.

Вид у него был наиплачевнейший. Обычно безупречно подтянутый и элегантный, Хуай Янь никогда не оказывался в столь нелепом положении. Единственным утешением оставалась непроглядная тьма — слава богу, Чжу Чэньюань не мог видеть этого позора. Впрочем, тогда Хуай Янь даже не задался вопросом, отчего ему так важно сохранить лицо именно перед Чжу Чэньюанем.

Тот и сам зачерпнул воды сапогами. Нашупав в темноте вымокший рукав Хуай Яня, Чжу

Чэньюань ощутил, какой ледяной стала ткань на ветру. Он тут же сорвал с себя сухую куртку и накинул ему на плечи:

— Застегнись. Возвращаемся.

Хуай Янь не стал спорить: плотнее запахнул чужую куртку и шагнул вслед за проводником. Чжу Чэньюань не выпускал его локтя до самого порога.

Мокрая одежда неприятно липла к телу, но тепло чужой руки на предплечье заставляло забыть о неудобствах.

Вернувшись на станцию, Хуай Янь сразу метнулся в душ, даже не заглянув в комнату за сухими вещами. В гостиной слышались шаги, хлопнула дверь — это был Чжу Чэньюань. Вскоре в дверь ванной осторожно постучали:

— Я принёс сменную одежду, оставил на стуле у двери. Ухожу к себе, если что нужно — зови.

— Спасибо.

Переодевшись и вернувшись в свою каморку, Хуай Янь замер на пороге. На рабочем столе стоял пышный букет пылающе-красных роз, незамысловато завернутый в обрывки старых газет. На стеблях ещё темнели комья сырой земли, среди листьев топорщились острые шипы, а на лепестках дрожали капли воды.

Это не походило на изысканные композиции из элитных салонов, но было прекрасным той дикой, первозданной красотой, от которой перехватывает дыхание.

К стеблям примыкала записка, написанная размашистым почерком Чжу Чэньюаня:

«За станцией мы разбили экспериментальную грядку. Из всего, что посадили, пышнее всего расцвели именно розы. Надеюсь, тебе понравится. Доброй ночи».

Хуай Янь бережно взял букет, разглядывая каждый бутон. Белоснежные пальцы осторожно счистили грязь со стеблей и коснулись острых шипов. Одно нежное движение — и колючка проткнула кожу. Хуай Янь отдернул руку: на пальце выступила алая капля крови.

Она была ровно того же оттенка, что и лепестки этих роз. И Хуай Янь почувствовал, что влюблён в этот цвет без памяти.

Их вторая встреча, начавшаяся у берегов Подземной реки, затянулась вплоть до самого Фестиваля.

Все эти дни Чжу Чэньюань работал с предельной отдачей, стремясь завершить проверки как можно скорее, чтобы Хуай Янь мог без помех вернуться в город к началу праздника.

Хуай Янь оставался на станции. Время от времени он объезжал наблюдательные пункты, и всякий раз, когда появлялся на участке Чжу Чэньюаня, тот находил тысячи предлогов, чтобы удержать его рядом хоть на пару минут дольше — пусть даже тот просто сидел молча на скамье.

Каждый вечер в каморке Хуай Яня появлялся свежий букет. Начиная со второго дня розы были оформлены безукоризненно: газетная бумага сложена аккуратными складками, стебли очищены от грязи, а все шипы тщательно срезаны. Цветы казались ещё ярче и сочнее прежнего.

Накануне Фестиваля основные работы наконец завершились. Пока дежурные занимались сводками, Чжу Чэньюань вызвался лично отвезти Хуай Яня в город.

Из-за ночных размышлений над этими букетами Хуай Янь толком не спал все последние дни. Когда они садились в машину, рабочие за спиной исподтишка подшучивали над Чжу Чэньюанем. Сделав вид, что ничего не замечает, Хуай Янь аккуратно уложил розы на заднее сиденье — он твёрдо намеревался засушить их, чтобы сохранить навсегда.

Первую половину пути он держался и даже поддерживал разговор, но под мерный рокот двигателя его сморило.

Очнулся Хуай Янь от странного чувства невесомости — кто-то бережно держал его на руках. Сон мгновенно слетел: его нёс Чжу Чэньюань.

Кроме далёкого детства, когда его баловали родители, Хуай Яня никто и никогда не носил на руках подобным образом.

Опустив взгляд, он строго проговорил:

— Поставь меня.

Чжу Чэньюань послушно опустил его на землю:

— Ты так крепко спал, когда я пытался тебя разбудить, что я решил не беспокоить.

Хуай Янь размял затёкшие плечи и огляделся вокруг. Место было ему совершенно незнакомо.

— Где мы?

— У меня дома, — торопливо пояснил Чжу Чэньюань. — Ничего такого, просто я не знал твоего адреса и хотел, чтобы ты поспал подольше. Вот и привёз к себе.

— Который час?

— Пять двадцать утра.

— Досыпать уже нет смысла. Скоро пойдёт дождь, пойдём посмотреть, — Хуай Янь развернулся к выходу.

Чжу Чэньюань остался стоять на месте:

— А куда идти? Я ведь никогда не бывал на Фестивале в Подземном городе.

Хуай Янь обернулся, изумлённо уставившись на него:

— Ты ни разу не видел Фестиваля дождя?

— В детстве я жил в Тринадцатом районе, а тамошним обитателям было не до праздников — ливень туда просто не доходил. Потом меня забрали в тренировочный лагерь, а у нас подобные развлечения строжайше запрещались.

Хуай Янь смутно припомнил эти суровые уставы. Нахмурившись, он дал себе слово при случае поговорить с отцом: курсантам спецбазы тоже не помешает давать передышку.

Для Чжу Чэньюаня это действительно был первый Фестиваль дождя. Как только стрелки миновали шесть утра, улицы заполнились горожанами. Направляясь к центру, Хуай Янь на ходу посвящал спутника в тонкости городского ритуала:

— Искусственное солнце на куполе переводят в режим «пасмурно». Дождь запускают с самого утра, сериями — от десяти до двадцати сеансов за день. Будет всё: и мелкая морось, и грибной дождик, и проливной ливень, и настоящая гроза со штормом. Вся городская дренажная система спроектирована с расчётом именно на этот день. Поток прекратится ровно в восемь вечера.

Они брели без конкретной цели, когда с неба упали первые капли. Сначала то была лишь невесомая водяная пыль.

Чжу Чэньюань протянул ладонь, ловя прохладные струйки. Капли касались кожи, точно

влажные пушистые перья, заставляя сердце трепетать от непонятного восторга.

— Тебе нравится этот праздник? — спросил он.

Хуай Янь тоже вытянул руку, подставив лицо серому небосводу:

— Раньше казалось забавным. Когда подрос, азарт пропал. Обычно выхожу ненадолго, гляну — и домой, спать.

Но Чжу Чэньюань искренне радовался происходящему, и Хуай Янь, наблюдая за его ребяческим восторгом, находил в этом гораздо больше удовольствия, чем во всех прошлых праздниках вместе взятых.

Вокруг резвились дети в ярких дождевиках и сапожках, с хохотом паля из водяных пистолетов. Взрослые, отбросив чины, накрывали головы тазиками и радостно кричали.

— Сегодня запрещено движение любого транспорта, кроме машин Управления безопасности, — продолжал Хуай Янь. — Самое людное место — Центральная площадь. Хочешь туда?

— Хочу.

Едва он выдохнул это слово, как небеса разверзлись, и на них обрушился настоящий ливень. Чжу Чэньюань схватил Хуай Яня за руку, и они помчались к Центральному кварталу.

Морось сменилась стеной воды, гремел шум, бушевал шторм...

Затерявшись среди ликующей толпы, они забыли о времени, статусах и условностях. Вокруг не было никому до них дела. На площади бушевало веселье: кто-то черпал воду прямо из луж и обливал прохожих, дети заливались смехом, а Чжу Чэньюань от захлёстывающих потоков едва мог открыть глаза.

Чужая ладонь выскользнула из его пальцев — толпа разделила их. Встряхнув мокрой головой, Чжу Чэньюань в панике закружился, озираясь по сторонам. Из-за стены дождя и оглушительного гула ни черта не было видно.

— Хуай Янь! Хуай Янь, ты где?! — закричал он в толпу.

Спустя полминуты кто-то лёгким щелчком задел его плечо:

— Хватит надрываться, я здесь.

Хуай Янь стоял прямо за ним. Пиджак он давно сбросил, намокшая рубашка прилипла к телу, став почти прозрачной, тёмные выющиеся пряди облепили лоб, а на губах играла открытая улыбка.

Увидев его, Чжу Чэньюань выдохнул — вся паника мгновенно испарилась. Шагнув вперёд, он сгрёб Хуай Яня в охапку и прижал к себе:

— Я решил, что потерял тебя.

Атмосфера всеобщего безумия захлестнула и его. Чувства, которые он годами прятал в самых тёмных уголках души, под этим проливным дождём вырвались наружу, закипели и затребовали выхода.

Столько лет он смел лишь издали ловить его образ!

Тогда, в приюте Тринадцатого района, он стопочкой стоял среди сотни таких же сирот, с замиранием сердца ожидая появления Хуай Чжэнцина и его сына. Ведь если Хуай Янь приедет, можно будет надеяться хотя бы на беглые объятия.

Такой чистый, недостижимый мальчик. Чжу Чэньюань больно боялся осквернить его касанием, но страстно жаждал этого.

Тот юный Хуай Янь стоял на трибуне и произносил речь, в его глазах светилась глубокая печаль:

«У нас ничего нет, но мы смело идём вперёд. Мы будем жить — вопреки всему».

А потом Подземный город погрузился в хаос. Обитель сирот была брошена на произвол судьбы, и именно этот сияющий мальчик рванулся сквозь дым и руины, выхватив его из беснующейся толпы.

Он цеплялся за крышу несущейся машины, сорвался вниз, и снова та же хрупкая ладонь выхватила его из пасти смерти. Выдрал колени до крови, было дико больно, но мальчик накрыл его ноги своей курткой... А он лишь несмело трогал пальцами край её рукава.

Эта куртка до сих пор аккуратно сложена и лежит у него под подушкой.

Хуай Янь всегда был его светом. Его единственной верой.

И вот тот сияющий мальчик вырос в ослепительного юношу.

Чжу Чэньюань, дрожа всем телом, поднёс ладони к лицу Хуай Яня, сжал его подбородок и накрыл своими губами эти манящие, искушающие губы.

К чёрту всё. Он сходит с ума.

Чжу Чэньюань впился в него с яростью пробудившегося хищника. В его поцелуе не было нежности — лишь дикий, сминающий натиск. Хуай Янь попытался было воспротивиться, но через пару секунд полностью сдался.

Он боялся быть поглощённым без остатка — и одновременно страстно жаждал этого.

Дождь был ледяным, но лицо Хуай Яня пылало от обжигающих касаний. Сначала он лишь принимал этот безудержный порыв, но вскоре, не желая уступать, ответил с не меньшей страстью: его пальцы вонзились в спину Чжу Чэньюаня с такой силой, будто хотели пробить кожу насквозь.

Ровно в восемь вечера ливень прекратился.

Схватив Хуай Яня за руку, Чжу Чэньюань увлёк его прочь из хаоса затихшей площади — навстречу иному празднику.

Ближайший отель располагался прямо у Центральной площади. Стоило магнитной карте прикоснуться к замку и раздаться тихому щелчку, как оба одновременно выдохнули.

Дверь распахнулась, и не разобрать было, кто начал первым. Намокшая одежда рвалась и слетала на пол, выстилая путь от самого порога до кровати.

Их личный карнавал продолжался.

Хуай Янь наяву слышал, как внутри Чжу Чэньюаня с оглушительным треском детонируют собранные дождём капли, как грохочет и бушует вокруг него дикая стихия, от которой негде укрыться.

В эту ночь сам Хуай Янь превратился в бесконечные воды Подземной реки. В редкие минуты затишья к его берегам приставали одинокие корабли, но чаще он оказывался в самом эпицентре шторма, о котором ревели тревожные сирены. Вся его утончённость, гордость и душевная стойкость были безжалостно смяты и разбиты Чжу Чэньюанем впрах.

Чжу Чэньюань лишь жаждал погрузиться в него ещё глубже, увлекать за собой сквозь непроглядную тьму, падая в самую бездну, на дно этого сладостного омут.

Хуай Яню казалось, будто он поселился прямо в сердце Чжу Чэньюаня — иначе отчего он с

такой оглушительной чёткостью слышал каждый стук его пульса, каждую каплю бурлящей в жилах крови?

Искусственное солнце Подземного города зажглось ровно в шесть утра. Чжу Чэньюань так и не сомкнул глаз: полночи он неистово владел любимым телом, а оставшиеся часы — не отводя взгляда, смотрел на него.

<http://bllate.org/book/20433/2132134>